

ИСТОРИЧЕСКИЕ НАУКИ

УДК 94(71).024

МИГРАЦИЯ ЛОЯЛИСТОВ КАК ФАКТОР ПОЛИТИЧЕСКОГО РАЗВИТИЯ И
МЕЖЭТНИЧЕСКИХ ОТНОШЕНИЙ В КАНАДЕ КОНЦА XVIII В.¹

И.М. Нохрин, кандидат исторических наук, доцент кафедры всеобщей истории
ФГБОУ ВПО «Челябинский государственный университет», e-mail: ivan-nokhrin@yandex.ru

Аннотация

Статья посвящена проблеме влияния лоялистской миграции на британскую колониальную политику. Главными задачами стало изучение нововведений в области управления Квебеком, принятых британским правительством и колониальной администрацией после Войны за независимость, выявление предпосылок принятия Конституционного акта 1791 г., оценка общей эффективности разработанных политических решений.

Ключевые слова: история Канады, британская колониальная политика, Война за независимость, история Британской империи, Квебек, Британская Северная Америка, Конституционный акт 1791 г., лоялисты.

Завершение Войны за независимость по праву считается рубежным событием как в судьбе, так называемой, первой Британской империи, так и в политической истории США. И хотя потери английской короны были очень велики, одна из американских колоний – Квебек – всё же осталась под её властью. Не проявив интереса к звукам «колоколов свободы», жители Канады, в большинстве своём, сохранили лояльность метрополии. В силу отдалённости от Лондона и зимних трудностей с транспортом, информация о подписании Парижского мира 1783 г. достигла Квебека только через месяц, а первые перемены в жизни канадцев наступили и вовсе лишь год спустя. Они были связаны с массовым притоком беженцев с южных территорий, которые известны сейчас в историографии как лоялисты, а в то время официально именовались британским правительством Верными подданными Единой империи (United Empire Loyalists).

В зарубежной, прежде всего, англоязычной историографии, тема лоялистской миграции долгое время была предметом оживлённых дебатов. На протяжении XIX – первой половины XX вв. этот вопрос рассматривался в русле национальных политических идеологий: британской, канадской и американской. Первым двум было свойственно героизировать мотивы и верноподданнические устремления мигрантов². Последняя же, наоборот, крайне скептически оценивала поведение лоялистов и стремилась доказать

¹ Материал рекомендован к публикации: А.Н. Скворцов, к.и.н.

² Примеров подобных работ может быть приведено множество, в частности, весьма показательны The centennial of the settlement of upper Canada by the United Empire Loyalists, 1784-1884. Toronto, 1885; Harris E. United Empire loyalists. Toronto, 1897.

предельную прагматичность, если даже не эгоистичность их действий. По мере того, как, так называемая, имперская школа в британской и канадской историографии сдавала позиции, американский подход, в целом, возобладал, хотя и не без определённых уступок визави из бывшей империи.

Сегодня уже не наблюдается исследователей, которые бы желали пересмотреть достигнутый консенсус. Пожалуй, наиболее популярную точку зрения выражает статья в Канадской энциклопедии под авторством известного специалиста в истории Квебека рубежа XVIII – XIX столетий Б. Дж. Вилсона. В ней выделяется две группы мотивов, которые двигали переселенцами: идеальные – верность короне и нежелание жить под властью вчерашних мятежников, и прагматичные – потребность в защите от притеснений со стороны недавних врагов, боязнь потерять нажитое имущество, желание сохранить привилегии или определённое положение в обществе, либо просто стремление начать жизнь с чистого листа³. Оценивая социальную принадлежность мигрантов, историк справедливо отмечает, что «подавляющее большинство из них нельзя назвать людьми обеспеченными или высокого общественного положения, многие оставались обычными фермерами».

Но, вместе с тем, Б. Дж. Вилсон, как и многие другие канадские историки, придаёт лоялистской миграции чрезвычайно большое значение в политической истории Канады. Оно выражалось, по его мнению, в «способствовании развитию образовательных, религиозных, социальных и государственных институтов», «закладывании консервативной традиции» в канадской общественно-политической жизни и «утверждении плюралистического и гетерогенного общества...основанного на ценностях эволюционного, а не революционного развития»⁴. Но предстаёт совершенно не очевидным, каким образом столь небольшое количество мигрантов⁵ низкого социального статуса и даже без объединяющей идеологии смогло оказать значимое влияние на развитие незнакомой для них страны с преобладанием иноязычного и иноконфессионального населения? И, если согласиться с большинством канадских историков, что главной заботой переселенцев в первые годы пребывания в Канаде было лишь выживание, каким образом им удалось уже менее чем через десятилетие, согласно Конституционному акту 1791 г., получить в распоряжение целую провинцию Верхнюю Канаду – предшественницу современной Онтарио⁶? Дать адекватные ответы на эти

³ Loyalists // The Canadian Encyclopedia [Электронный ресурс] - Режим доступа: <http://www.thecanadianencyclopedia.com/articles/loyalists>

⁴ Ibidem.

⁵ Общее количество переселившихся в Квебек за 1780-90-е гг. лоялистов оценивается в 9500 человек, в то время как франкоязычное население колонии к тому моменту более чем в 11 раз превосходило эту цифру, доходя до 110 000 человек.

⁶ The United Empire Loyalists. Men and Myths / Ed. by L.F.S. Upton. Toronto, 1967. P. 85.

вопросы можно только при изучении проблемы лоялистской миграции в общем контексте политики британской колониальной администрации в Квебеке.

Иммигранты из мятежных провинций стали появляться в Канаде буквально с начала боевых действий в июне 1774 г. К 1778 г. их насчитывалось уже около 3 тысяч, а на момент подписания мирного договора в 1783 г. – порядка 7-8 тысяч. Колониальные власти поначалу рассматривали гостей с юга как временное явление, а потому расселяли их в армейских бараках и снабжали продовольствием за казённый счёт, надеясь на скорое избавление от внезапно прибавившихся хлопот⁷. Однако неудачный ход боевых действий, а затем и полное поражение в войне заставили искать новые пути решения проблемы.

На переговорах в Париже американские делегаты, в том числе Б. Франклин и Дж. Адамс, дали понять, что правительство новообразованного государства не собирается заниматься защитой жизни, имущества или гражданских прав лиц, известных своими симпатиями к властям бывшей метрополии. Больше, на что они были согласны, это гарантировать «тори» свободу от притеснений со стороны федерального правительства, но не властей или судов отдельных штатов. Последним оставлялось право конфискации имущества или уголовного преследования лоялистов на основании принятых там законов. Известный своими гуманистическими взглядами Б. Франклин на встрече с британской делегацией лишь холодно заявил, что все эти вопросы вообще не являются делом представителей Континентального конгресса⁸.

Строго говоря, и переговорщиками от метрополии двигали не гуманистические соображения, а опасения поставить под удар и без того подорванный престиж английского государства. На глазах у всего мира Великобритания рисковала оказаться неспособной ни справиться с мятежниками, ни даже защитить от бунтарей своих верных и законопослушных подданных. По мере нарастания на территории США числа конфискаций имущества и карательных приговоров в отношении лоялистов, мольбы о помощи, тысячами приходившие в Вестминстер, больше нельзя было игнорировать. Единственным вариантом быстрого и сравнительно малозатратного решения проблемы стала идея массового переселения Верных подданных Единой империи в Канаду. Континентальный конгресс без замедления согласился предоставить лоялистам свободный проход на север. В обмен Великобритания должна была отказаться от требований компенсаций за утраченную ими в ходе войны и переселения собственность.

Интересно, что губернатор Квебека Ф. Хэлдименд имел совсем иную точку зрения на проблему. Он считал, что в неблагоустроенной Канаде, которая напоминала, скорее, военный

⁷ Wallace W.S. The United Empire Loyalists: A Chronicle of the Great Migration. Toronto, 2004. P. 40-41.

⁸ Kingsford W. The History of Canada. Volume 7. Toronto, 1892. P. 142-143, 164-165.

форт или торговую факторию для добычи пушнины, переселенцев ждали огромные трудности в налаживании мирной жизни. А соседство по разные стороны границы взаимно враждебных лоялистов и патриотов грозило в будущем новым обострением отношений между Великобританией и США⁹. Прежде губернатор надеялся, что метрополия примет лоялистов на собственную территорию, но результаты переговоров в Париже заставили его в срочном порядке придумывать новое решение.

План расселения мигрантов в Квебеке был разработан Ф. Хэлдимендом с военной строгостью. Лоялистам для освоения предоставлялся широкий выбор территорий: побережье залива Шалёр, полуостров Гаспе, район рек Ниагара и Детройт, а также верхнее течение реки св. Лаврентия. Основной замысел губернатора заключался в том, чтобы поселить их как можно дальше от франкоканадских сеньорий и занятых американцами земель по другую сторону границы¹⁰. По этой же причине для мигрантов были закрыты восточные округа провинции, а те переселенцы, которые на свой страх и риск пытались остановиться неподалёку от штата Нью-Йорк, выдворялись солдатами вглубь Квебека¹¹.

Другим принципом стала компактность расселения лоялистов. Хотя земельные участки офицерам, солдатам и гражданским лицам и раздавались бесплатно, их границы определялись не произвольно, а вписывались в планы новых тауншипов, расположение которых определялось лично губернатором. В центре каждого тауншипа имелся свой административный центр – таун – для связи с Квебеком. Новые тауншипы предназначались исключительно для освоения лоялистами и не имели на своей территории франкоканадских поселений¹². Большинство из них первое время оставалось даже без названий и обозначалось лишь порядковыми номерами на карте, что прекрасно иллюстрировало общую поспешность принимаемых мер.

Замысел губернатора, без сомнения, преследовал цель создания как можно более крупных, а, следовательно, жизнеспособных поселений и предотвращения возможных конфликтов на этнической и конфессиональной почве. Однако в долгосрочной перспективе это означало локализацию мигрантов в пределах отведённых территорий и максимально ограничивало их взаимодействие с коренным населением Квебека. Переселившиеся в Канаду лоялисты оказались замкнутым сообществом, полностью сохранили привычные формы

⁹ Ibid. P. 195.

¹⁰ Несмотря на то, что расселение лоялистов в Квебеке происходило, в основном, вдоль южной части колонии, от ближайших американских поселений по другую сторону государственной границы их отделяли сотни километров неосвоенных, покрытых густым лесом территорий.

¹¹ Wallace W.S. The United Empire Loyalists. P. 42.

¹² Ibid. P. 43-44.

социальной организации и оставались, по меткому выражению современника, «всё теми же американцами, что и были»¹³.

Появление крупных англоязычных общин соответствовало планам ряда представителей британских правительственных кругов, которые увидели в лоялистах не просто беженцев, а инструмент для решения этнических и религиозных проблем в Квебеке. Благодаря проигранной войне давние планы заселения Канады англоговорящими протестантами и ассимиляции франкоканадцев, хотя бы в отдалённом будущем, снова казалась реальностью.

Ситуация в Канаде приобретала особое значение ещё и потому, что малоизвестная прежде колония теперь оставалась единственным надёжным форпостом Великобритании в Северной Америке и, главное, на подступах к островам Вест Индии. Это многократно увеличивало её значимость в системе военных и транспортных коммуникаций империи. В обстановке, когда перспективы дальнейших отношений с недавно появившейся американской республикой оставались абсолютно неопределёнными (причём доминировало мнение о сохранении их враждебного характера даже в мирное время), контроль над Квебеком приобретал стратегическое значение.

С другой стороны, Канада с её богатыми пушными промыслами и лесозаготовками могла частично заменить потерянные владения на континенте. Её терявшаяся в дебрях густых лесов западная граница и разветвлённая речная сеть привлекали покинувших соседние штаты британских коммерсантов. И, наконец, с идейно-политической точки зрения, Канаде отводилась роль «витрины» Британской империи. Расположенная напротив государства вчерашних мятежников, она всем своим существованием должна была доказывать превосходство британских общественных институтов и образа жизни над американскими.

Спустя всего лишь два десятилетия после завоевания, Квебек становился главной крепостью Британской империи в Северной Америке. В правильности нового взгляда на колонию не сомневался ни министр по делам колоний лорд Джермейн, ни многие представители британских правящих кругов. «Обладание Квебеком и Новой Шотландией важно для Великобритании до тех пор, пока она сохраняет владения на островах Вест-Индии, – говорилось в правительственном меморандуме Георгу III. – Эти провинции будут служить для островов источником древесины, рыбы и домашнего скота. Владение провинциями необходимо Великобритании и как морской державе: без них она не сможет создать морскую базу для обеспечения господства и защиты судов в американских морях... Преимущества и сила, которые даёт обладание этими колониями, будут сдерживать <13

¹³ The United Empire Loyalists. Men and Myths. P. 85.

племён, ушедших из Израиля», и они окажутся заинтересованы в союзе с Великобританией». Всего этого, по мнению автора меморандума, предполагалось достичь только при помощи лоялистов, которым предстояло стать для колонии «главным средством обороны и источником силы»¹⁴. Их преданность метрополии была проверена недавней войной, а будущее напрямую связано с Канадой. В том же духе высказывался в 1783 г. и бывший помощник государственного секретаря по делам Америки У. Нокс, призывая создать для лоялистов самые благоприятные условия поселения и установить привилегии для протестантской церкви¹⁵.

Британское правительство не жалело ни сил, ни ресурсов для поддержки мигрантов. Не ограничившись щедрыми земельными пожалованиями¹⁶, метрополия пошла навстречу просьбам переселенцев о создании для них на землях колонии Новая Шотландия отдельной провинции – Нью-Брансуика. Там американские тори воссоздали привычное законодательство и политические институты: учредили выборные ассамблеи и городские собрания. Великобритания столь активно снабжала лоялистов продовольствием и товарами первой необходимости, что общая стоимость содержания колонии резко выросла до беспрецедентной суммы порядка 100 тысяч фунтов стерлингов в год, не считая затрат на содержание армии¹⁷.

В этой ситуации в апреле 1785 г. произошло событие, наметившее новую линию в истории Канады. Девять отставных офицеров-лоялистов, получивших крупные земельные пожалования в верхнем течении реки св. Лаврентия, решили выступить с петицией королю. Их не устраивало, что даже на окраине колонии, на большом расстоянии от населённых франкоканадцами Квебека и Монреаля мигранты вынуждены жить под верховенством французских законов и, что было для них особенно неприемлемо, владеть земельными участками на правах феодального держания¹⁸. Они просили, на основе опыта создания провинции Нью-Брансуик, выделить их поселения в отдельную административную единицу с собственным лейтенант-губернатором и привычным английским законодательством, предусматривавшим право частной собственности¹⁹. В их пользу играло то обстоятельство, что земли лоялистов располагались компактно на удалённых от Квебека и Монреаля

¹⁴ Тишков В.А. Освободительное движение в колониальной Канаде. М., 1978. С. 77.

¹⁵ Там же. С. 78.

¹⁶ Гражданские лица получали по 100 акров (около 40 га) на главу семьи и по 50 акров на каждого домочадца, военные в ранге рядовых получали 200 акров, младшие офицеры – 500 акров, капитаны – 700 акров и старшие офицерские чины – 1000 акров (около 400 га).

¹⁷ The Oxford History of the British Empire. Volume II: The Eighteenth Century / Ed. by Marshall P.J. Oxford, 1998. P. 383-385.

¹⁸ Даже после завоевания в Квебеке продолжали действовать французские законы, за счёт чего британская колониальная администрация пыталась заручиться поддержкой местного населения.

¹⁹ Petition of Sir John Johnson and Loyalists // Documents Relating to the Constitutional History of Canada / Ed. by A. Shortt, A.G. Doughty. Volume 2. Ottawa, 1918. P. 774-775.

территориях и не имели, за редким исключением, внутри себя франкоканадских поселений, а значит, как и в случае с Нью-Брансуиком, обретение ими самостоятельности не задевало бы чьих-либо ещё интересов.

Министр внутренних дел Великобритании лорд Сидней оказался сильно встревожен петицией. Он опасался, что недовольство отставных офицеров на фоне недавно проигранной войны может стать поводом для критики правительства и обвинения его в бездействии. Собираясь сыграть на опережение, Сидней поддержал идею разделения провинции Квебек на две части – французскую и лоялистскую. В задачу нового губернатора Г. Карлтона теперь входило «наметить такие границы и способ разделения, который оказались бы оптимальными»²⁰.

Не менее важной была и экономическая сторона проблемы. Содержание Квебека по-прежнему обходилось Великобритании в 100 000 фунтов стерлингов ежегодно, не считая военных расходов. Это казалось Сиднею слишком большой суммой для колонии, чьи достоинства пока ограничивались «сомнительными престижными соображениями, да туманными перспективами»²¹. Министр внутренних дел собирался переложить траты на содержание Квебека на население провинции. Это как раз могло стать «платой» за удовлетворение их прошений.

Не только Сидней, но британские правительственные круги, в целом, очень серьёзно отнеслись к требованиям колонистов. «Я считаю, что будет правильным провести назревшие реформы сейчас, когда мы можем представить их публике в форме щедрого дара и полностью проконтролировать содержание и воплощение, нежели ждать, когда суровая необходимость принудит нас сделать всё то же самое, но мы не сможем ни повлиять на ход событий, ни прибавить происходящее к числу своих заслуг», – писал государственный секретарь У. Гренвилль губернатору Г. Карлтону²². Очевидно, что воспоминания об «уроках» недавней войны были ещё свежи в Лондоне, и в правительственных кругах стремились избежать прошлых ошибок.

Кажется странным, но никто не обратил внимания на очевидные противоречия такого плана реформ. Во-первых, в случае проведения границы между юго-западной «английской» и северо-восточной «французской» частью Канады нарушались давно сложившиеся связи между районами добычи пушнины на западе и портовыми городами Квебек и Монреаль на востоке. Причём занятое трансатлантической торговлей англоязычное купечество было вынуждено остаться в прибрежной «французской» части Канады. Во-вторых, идея

²⁰ Sydney to Dorchester, Whitehall 3^d September 1788 // Documents Relating to the Constitutional History of Canada. P. 955, 957.

²¹ Ward J.M. Colonial Self-Government. The British Experience 1759-1856. Buffalo, 1976. P. 15.

²² Grenville to Dorchester, Whitehall 20th October 1789 // Documents Relating to the Constitutional History of Canada. P. 969.

разделения провинции не прошла общественного обсуждения и пока не поддерживалась никем, кроме недавно прибывших лоялистов. Вряд ли она была действительно «назревшей реформой», как выразился У. Гренвилль.

Уже осенью 1789 г. в Лондоне был готов проект реформы колониальной администрации, который предусматривал разделение Квебека на два округа. Во главе каждого ставились лейтенант-губернаторы, подчинявшиеся генерал-губернатору и делившие полномочия с Законодательными советами и выборными легислатурами²³. Введение непривычной для католиков ассамблеи вызвало многочисленные протесты во «французской» части провинции, но У. Гренвилль руководствовался исключительно экономическими соображениями. С точки зрения эффективности сбора налогов, наполнения и расходования колониального бюджета ассамблея позволяла снять с метрополии бремя содержания заатлантической провинции, и уже в силу того вопрос об её учреждении мог считаться решённым²⁴.

Переходя к политическим вопросам, государственный секретарь особо и неоднократно подчеркнул, что Законодательный совет получит больше влияния и полномочий, чем было в «старых колониальных правительствах». Теперь в его состав требовалось отбирать самых выдающихся и заслуженных подданных из высших слоёв колониального общества, отличавшихся особой лояльностью к королю и местной администрации²⁵. В словах У. Гренвилля вновь звучало желание не допустить повторения печальной истории 13 мятежных колоний.

В октябре 1789 г. соответствующий билль был представлен на рассмотрение Палаты общин. Его обсуждение продвигалось медленно: депутаты не спешили заниматься делами далёкой колонии, а правительство неоднократно согласовывало детали и поправки с губернатором Карлтоном. И поскольку парламентарии во время прений, скорее, состязались друг с другом в красноречии, нежели спорили с министрами по существу предлагаемых мер, они растянули рассмотрение законопроекта на две парламентские сессии – третье чтение состоялось только весной 1791 г.²⁶

Интересно, что за прошедшее время из Канады не поступило ни одной петиции или письма в поддержку билля или против него, а посланники заинтересованных сторон не присутствовали на заседаниях Палаты общин.

²³ Ibidem.

²⁴ Burt A.L. The Old Province of Quebec. Vol. 2. Toronto, 1968. P. 198.

²⁵ Grenville to Dorchester, Whitehall 20th October (2nd letter) 1789 // Documents Relating to the Constitutional History of Canada. P. 989.

²⁶ The History and Proceedings of the Lords and Commons during the first Session of the seventeenth Parliament of Great Britain. London, 1791. P. 438-479, 497-535.

В итоге, 11 мая 1791 г. билль был принят Палатой общин в третьем чтении, а 26 декабря 1791 новый конституционный акт провинции Квебек вступил в законную силу. Несмотря на то, что в названии закона говорилось лишь о «некоторых изменениях», вносимых в Квебекский акт 1774 г., политическое устройство колонии стало кардинально иным. Прежде всего, провинция делилась на две части – Верхнюю и Нижнюю Канаду – в каждой из которых назначался собственный лейтенант-губернатор – глава законодательной и исполнительной власти²⁷. Аналогичные с ним функции имел генерал-губернатор, но его власть распространялась на все британские колонии в Северной Америке и имела высший авторитет. Судя по всему, дублирование полномочий стало попыткой централизовать политическую систему колоний и добиться над ней более эффективного контроля.

Законодательная власть в каждой провинции осуществлялась Законодательными советами и ассамблеями. Первые из них собирались губернаторами лично и должны были состоять не менее чем из семи назначавшихся пожизненно «компетентных и доверенных лиц» для Верхней Канады и пятнадцати – для Нижней²⁸. Единственным ограничением свободы выбора губернаторов являлось условие постоянного проживания советников в колонии. Фактически, Законодательный совет, раньше исполнявший функции правительства и секретариата, теперь становился своеобразной верхней палатой колониального парламента – аналогом британской Палаты лордов, и служил политическим противовесом избираемой ассамблее. Судя по всему, это был ещё один «урок», извлечённый британским правительством из недавней войны

Что же касается ассамблей, то механизм их комплектования устанавливался более демократичным. К выборам депутатов – не менее шестнадцати для Верхней Канады, и пятидесяти для Нижней – допускались все мужчины, владевшие участком земли в сельской местности на правах фригольда, фьефа или ротюры, либо получавшие доход от земельной собственности более 40 шиллингов в год, либо обладавшие недвижимостью в городе, стоимостью более 5 фунтов, либо платившие годичную аренду за такую недвижимость более 10 фунтов в год²⁹. Права голоса лишались лица, не достигшие 21 года, либо не имевшие британского подданства, священники, государственные и уголовные преступники³⁰. Закон не делал различий в избирательных правах католиков и протестантов, что стало новшеством для британской правовой системы.

²⁷ An Act to repeal certain Parts of an Act, passed in the fourteenth Year of his Majesty's Reign, intituled, An Act for making more effectual Provision for the Government of the Province of Quebec, in North America; and to make further Provision for the Government of the said Province // A Collection of the Acts Passed in the Parliament of Great Britain and Other Public Acts Relative to Canada. Quebec, 1800. P. 28(308).

²⁸ Ibid. P. 30 (310).

²⁹ Ibid. P. 38 (318).

³⁰ Ibid. P. 40 (320).

Все решения Законодательных советов и ассамблей одобрялись от имени короля генерал-губернатором и направлялись для утверждения в Лондон. Фактически, глава колониальной администрации был единственной связью с метрополией, обладал правом абсолютного вето и мог остановить продвижение любого законопроекта³¹. Он же возглавлял правительство— Исполнительный совет — и назначал его членов³². Само наличие двух советов при губернаторе было беспрецедентным. Ранее в американских колониях королевский наместник имел не больше одного Законодательного или Тайного совета. Теперь же его администрация увеличивалась двукратно, что явно стало ещё одним инструментом усиления губернаторской власти через создание параллельных ассамблеев структур³³.

Особое внимание в законе уделялось религиозному вопросу. Продолжая политику Квебекского акта 1774 г. и вопреки принятой в Британской империи практике, канадская католическая церковь снова получала полную свободу действий и сохраняла традиционные привилегии в виде сбора десятины и других податей с прихожан³⁴. Но и англиканская церковь значительно улучшила своё положение. Закон гарантировал ей получение седьмой части от всех жалуемых в колонии земель, учреждение новых приходов за счёт общественного земельного фонда, свободу от налогов и любого вмешательства светских властей в деятельность и даже дома для пасторов за государственный счёт³⁵. Фактически, Лондон начал новую линию в североамериканской религиозной политике, занявшись утверждением государственной церкви.

И наконец, разрешилась проблема статуса земельных владений. Вся недвижимость в Верхней и Нижней Канаде переводилась на права частной собственности, в том числе и феодальные держания франкоканадских сеньоров. Но это не вело к потере последними специфических титулов и привилегий, в том числе и касавшихся традиционных крестьянских повинностей³⁶. Британские законодатели создали странную ситуацию, когда канадские крестьяне, превратившиеся из вилланов в свободных арендаторов, продолжали отрабатывать барщину, нести баналитетные повинности и многое другое. Таким образом, были удовлетворены и англоязычные землевладельцы, давно привыкшие иметь дело только с частной собственностью, и канадские сеньоры, не желавшие терять привычные источники дохода.

Недавний кризис в отношениях метрополии и 13 североамериканских колоний нашёл прямое отражение в новом конституционном акте. Стремясь не допускать прошлых ошибок,

³¹ Ibid. P. 42 (322).

³² Ibid. P. 56 (336).

³³ Ward J.M. Colonial Self-Government. The British Experience 1759-1856. P. 17-18.

³⁴ Ibid. P. 46 (326).

³⁵ Ibid. P. 48 (328).

³⁶ Ibid. P. 54 (334).

королевская власть гарантировала, что канадские колонисты не будут принуждаемы платить каких-либо особых налогов и пошлин, а весь доход от государственных сборов останется в казне тех провинций, в которых и был собран³⁷.

Конституционный акт 1791 г. не получил высоких оценок в трудах историков. Большинство исследователей до сих пор характеризует его как попытку британского правительства отреагировать на плачевные итоги войны с 13 американскими колониями и предпринять поспешные меры для сохранения оставшихся владений. Действия Лондона трактуются как копирование английской политико-правовой системы и усиление позиций колониальной администрации. В частности, известный историк Альфред Барт считал, что Конституционный акт 1791 г. не принёс ничего нового, а лишь закрепил и без того сложившееся разделение провинции на лоялистскую и французскую часть. Самое радикальное изменение историк отметил во введении ассамблеи, что, как он полагал, просто нельзя было дальше откладывать³⁸. Ещё категоричнее высказывался Джон Уорд и называл Конституционный акт попыткой превратить канадскую политическую систему в бледную тень английской, без учёта североамериканской специфики и сложившихся обстоятельств³⁹. Среди исследователей канадской истории XVIII в. положительная оценка реформ 1791 г. принадлежит Хильде Нитбай, которая тоже отмечала нехватку оригинальности и продуманности в решениях правительства, но видела главное достижение в создании ассамблеи – «общеканадского форума, места для встреч и диалога», что положило начало формированию национального самосознания⁴⁰.

Возвращаясь к проблеме влияния лоялистов на политическое развитие Канады, необходимо заключить, что оно было весьма опосредованным и далеко не однозначным. Неудачная война и прибытие мигрантов из США подтолкнули Великобританию к пересмотру североамериканской политики. Пытаясь угодить Верным подданным Единой империи и одновременно усилить контроль над колонией, Лондон создал запутанную политическую систему. С одной стороны, в Канаде развивалось традиционное для североамериканских колоний самоуправление, вводился институт частной собственности на землю, лоялисты получили привычное английское законодательство и ассамблею, а франкоканадцы обрели отдельную провинцию и могли не беспокоиться за католическую религию. Но полномочия губернатора и колониальной администрации настолько превосходили ассамблею, что оставалось неясным, сможет ли та вообще принимать независимые решения. Католическое духовенство и франкоязычные сеньоры сохранили

³⁷ Ibid. P. 56 (336).

³⁸ Burt A.L. The Old Province of Quebec. P. 204-205.

³⁹ Ward J.M. Colonial Self-Government. The British Experience 1759-1856. P. 19-20.

⁴⁰ Neatby H. Quebec: the Revolutionary Age, 1760-1791. Toronto, 1966. P. 261.

феодалы, а крестьяне вряд ли могли надеяться на представительство их интересов в легислатуре. Торговые связи между западом и востоком Канады были нарушены, каждая из новообразованных колоний тяготела к самоизоляции и не имела необходимости развивать межэтнический диалог. Пытаясь предотвратить проблемы в колониях, метрополия не столько устраняла противоречия, сколько создавала новые. Их разрешение потребовало немало сил и средств уже в XIX в.